

ВВЕДЕНИЕ

Полное научное описание лексики и фразеологии «Моления»¹ Даниила Заточника (по всем опубликованным спискам) было задумано проф. Б. А. Лариным незадолго до его смерти. К сожалению, он успел только начать эту работу; продолжил и завершил это исследование коллектив учеников, стремившийся следовать замыслу и принципам своего учителя.

Выбор «Моления» как объекта такого изучения не был случаен. Лексика и фразеология этого одного из древнейших и интереснейших светских памятников домонгольской Руси изучены очень слабо. Близкое по языку к таким произведениям, как «Слово о полку Игореве», «Поучение» Владимира Мономаха, летописи, «Моление» в то же время во многом своеобразно по своему содержанию и жанру, лексическому составу, имеет резкую сатирическую и публицистическую окраску. Немало споров и разноречивых суждений вызвали и вызывают до сих пор жанр этого памятника, место и точное время написания, понимание отдельных отрезков его текста, выяснение личности автора и адресатов — неслучайно многие исследователи называют его «загадочным».²

В настоящее время опубликовано 19 списков, представляющих собой две основные редакции и несколько их переделок, причем в пределах даже одной редакции нет и двух списков, полностью совпадающих по лексическому и фразеологическому составу.

Трудность изучения этого памятника XII—XIII вв. заключается в том, что все списки — поздние (несколько — XVI в., остальные — XVII в.); в них оказалось немало поздних наслоений, различного рода переосмыслений, искажений и порчи.

¹ «Молением» условно названы все редакции и переделки памятника, имеющие и другие названия.

² Об интересе к этому памятнику не только у нас, но и за рубежом можно судить по следующим изданиям: в ФРГ были фототипически переизданы в одном томе все опубликованные списки со вступительной статьей Барбары Конрад (*Das Gesuch Daniils Slavische Propyläen* 123. München, 1972), в Италии вышло критическое издание I и II редакций с большой вступительной статьей, комментариями и библиографией (Danil Zatočnik. *Slovo e Molenie*. Edizione critica a cura di Michele Colucci e Angiolo Danti. Firenze, 1977).

По замыслу проф. Б. А. Ларина в работу полностью включен весь лексический и фразеологический состав всех списков.³

Задача исследования — исчерпывающе описать не только лексику и фразеологию литературного языка домонгольской Руси в той степени, в какой они отражены в этом памятнике, но по возможности показать особенности словоупотребления далекого, но талантливого и оригинального писателя, а также его многочисленных переписчиков — «соавторов», во многом по-своему прочитавших и осмысливших текст.

В языке памятника в своеобразном сочетании отразилась лексика церковнокнижная и разговорная, общелитературная и диалектная. В тексте много цитат из Библии, Изборников 1073 и 1076 гг., других книжных источников (часто в вольной передаче автора; переосмысленных и дополненных им), немало и пословиц, поговорок, метких народных выражений, ярких авторских зарисовок.

В «Молении» встречаются слова и фразеологические обороты, неизвестные по другим древнерусским памятникам (*булянь, дивья, затонка, перетерпливый, отлститися, воступити на слвдѣ, подразити нози* и др.).

Некоторые слова, имеющиеся также в древнерусском или современном языке, в этом памятнике употреблены в иных, причем часто больше нигде не встречающихся значениях, которые вскрывают более архаическую семантическую структуру слов, что, конечно, представляет особый интерес.

Например, в «Молении» говорится: «пшеница бо много мучима чисть хлѣбъ являеть», где глагол *мучити* имеет значение 'толочь, дробить',⁴ что непосредственно связывает его со словом *мукá* — 'толченое (смотое) зерно'. Этимологи русского и других славянских языков обычно признают, что значение слова *мука* — 'страдание, мучение' — (и его инославянских вариантов) является (с акцентологическими или фонетическими изменениями) вторичным и переносным по отношению к *мукá*, однако глагол *мучити* нигде не отмечен с таким первичным, прямым значением.

Глагол *помрачити* сохраняет в памятнике непосредственную связь со значением 'темнота': «Въялица бо лице помрачит, а зла жена не даст слова рещи, едина глаголетъ», где *помрачит* значит 'погрузит в темноту, мрак'. Глагол *просвѣщати* употреблен в первичном значении 'освещать': «Солнце убо лучами своими весь миръ грѣеть и просвѣщаетъ».

Особенно интересным для характеристики языка автора является употребление слов в необычных для них сочетаниях, что несомненно меняет их значение. Определяя такие слова, необходимо было уточнить авторский смысловой сдвиг.

Например, в древнерусском языке глагол *терпѣти* был широко известен в том же значении, что и в современном литературном языке: 'переносить, переживать что-н. тяжелое, неприятное'. Такое значение встречается и в «Молении»: «Горести дымныя не терпѣвши, тепла не видати». Но наряду с этим текстом, встречаем там и следующий: «Не терпит вода на горах, ни мудрость в сердцах».

³ Список исторических, географических и библейских имен собственных, упомянутых в памятнике, приведен в конце книги.

⁴ В одном из списков это значение даже уточняется: «пшеница, мучима пестом, чист хлѣб являеть».

безумных» (в другом списке той же редакции «не стоит вода на горах»). Здесь значение глагола *терпѣти*, конкретизируясь в сочетании со словом *вода*, определяется как «удерживаться, сохраняться».

Многие слова в «Моленни» Даниила Заточника употребляются не в прямом номинативном значении. Разграничение переносных, образных, метонимических употреблений для этого памятника затруднительно из-за отсутствия достаточного материала (иногда мы имеем единственный пример употребления слова) и из-за опасности оценить слово, исходя из современных представлений о тропах.

Так, в некоторых случаях были основания говорить не о паличии общезыкового переносного значения, а лишь о переносе номинативного значения слова на какое-то другое явление. Например, обращаясь к князю, автор говорит: «како ти возглаголю, имѣя лубяи ум, а полстяи язык». Чтобы унизить себя, он уверяет, что ум его сделан из луба, а язык из полсти (войлока), но не вкладывает в эти слова, при всей необычности их употребления, каких-то новых значений. В таких случаях определяется номинативное значение слов *лубяи* и *полстяи*, а затем указывается на переносность употребления вертикальной чертой и пометой *Перен.* Если же перенос слова создает новое значение или новый оттенок значения, то после пометы *Перен.* определяется это новое значение.

Метонимическое употребление слова всегда приводит к изменению значения, поэтому такое употребление отмечается двумя вертикальными чертами, пометой *Метон.* и определенным значением.

В «Моленни» много образных употреблений слов и образных текстов.

Если создание образа связано с метафорическим употреблением отдельного слова, то после определения прямого значения ставится знак семантического сдвига — вертикальная черта и помета *Образно.* Например, глагол *лѣтати* в предложении «Азь бо не во Афинѣхъ родился, . . . но бых умом лѣтая аки пчела».

Если образное употребление слова реализуется в широком контексте, то при словах, которые являются опорными для создания образа, ставится вертикальная черта и помета *Образно.* Например: **БИТИ**, *несов. . . 2. во что. Ударами извлекать звук из музыкального инструмента.* | *Образно.* Вструбимъ, яко во златокованыя трубы, в разумъ ума своего и начнемъ бити в сребреняя органы возвите мудрости своеа АТКНБПбМПКПрр. . . Остальные слова широкого контекста, участвующие в создании образа, сопровождаются пометой *В образном контексте*, перед которой ставится горизонтальная черта. Например: **ЗЛАТОКОВАНЫИ**, *ая, ое. Сделанный из кованого золота.* — *В образном контексте.* Вструбимъ, яко во златокованыя трубы, в разумъ ума своего АТКНБПбМПКПр. . .

В составе сравнения слово особыми пометами не выделяется: иллюстративные примеры показывают, что слово входит в состав сравнения.

Наиболее сложным вопросом, стоявшим перед авторами, был вопрос об искажениях, порчах и переосмыслениях.

Искажениями признаются бессмысленные сочетания букв — например, *хучоно* вместо *тучо* или *ту* *есть* вместо *буесть*.

Порчей считается слово, само по себе не искаженное, но делающее текст бессмысленным. Например, порчей будет слово *сѣти* в предложении, где говорится о птицах, что они *частяцы сѣти* вместо *лѣбны* других списков, или *обелен* в сочетании *разумом обелен* вместо *разумом обилен* и т. п.

Искаженные слова или слова, признанные порчей, помещаются в конце статьи на неискаженное слово с абзаца после знака X в той форме, в какой они встречаются в памятнике. В этой же форме они помещаются на своем алфавитном месте с отсылкой *вл.* (вместо) на то слово, искажением или порчей которого признаются.

В тексте «Моления» встречаются и такие случаи, когда само анализируемое слово не искажено, но либо стоит в грамматической форме, не соответствующей синтаксической конструкции предложения, либо непосредственно связано с искаженным или испорченным словом. Эти предложения приводятся в конце словарной статьи с абзаца и предваряются пометой *В испорч. тексте*. Например, на слово *украсити* после такой пометы помещено предложение «Весна украшена землю цвѣты» (вместо *украшаетъ*), а на слово *разумъ* — предложение в сочетании *разумом обелен*.

Переосмысленным признается такая замена одного слова другим в более поздней редакции, когда новое слово, меняя смысл предложения, не нарушает общего идейного характера памятника.

Если перед писцом находилось слово, ему непонятное или до него уже искаженное, он обычно заменял его словом, ему понятным, но близким по написанию к тому, что было перед ним. Такая замена могла быть чисто механической, и новое слово делало текст бессмысленным. Но замена могла быть сознательной, когда писец подбирает слово, тоже обычно близкое по написанию, но не искажающее предложения и не вступающее в противоречие с более широким контекстом. Однако не всегда просто отличить порчу от переосмысления, если в предложении не нарушались резко смысловые и синтаксические связи. Некоторые примеры отчетливо показывают эту сложность.

В ряде списков читаем: «Дивна за буяном кони паствити, тако за добрымъ князем воевати», что, как убедительно показал в своей статье Б. А. Ларин,⁵ означает «Хорошо (легко) за горой пасти коней, а за мудрым князем воевати». Слово *буянь*, и сейчас вызывающее различные толкования, некоторыми переписчиками было не понято. Отсюда искажения *за бояш*, *за дивьяном* и др. В одном из списков находим «Дивья за боярином кони пасти». Это предложение само по себе вполне осмысленное, но находится в резком противоречии со всей антибоярской направленностью памятника, отчетливо выраженной в том же списке. Такое сопоставление с широким контекстом дает основание считать слово *боярином* в этом предложении порчей. К порче отнесено и *вино* из следующего текста одного из списков: «Даи премудрому вина, премудрее будет». Эта сентенция, взятая изолированно, представляется вполне осмысленной, но она противоречит идее памятника, постоянному противопоставлению «умного», «мудрого» — «храброму». Именно насмехаясь над храбрым, а не мудрым, Заточник пишет: «хороброму дан чашу вина, хоробрье будет». О порче говорят и другие списки, которые точно цитируют одну из Притч Соломоновых (IX, 9) — «Даи премудрому вину, премудръе будет».

Переосмыслением, а не порчей признана следующая замена. В I редакции читаем: «Се же бо написах, бѣжа от лица художества моего, аки Агарь рабыни от Сарры госпожа своея». Во II редакции (Чудовский список) вместо «от лица художества моего»

⁵ Ларин Б. А. Очерки по фразеологии. — В кн.: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977, с. 139.

«находим «от лица скудости моя». Здесь нет сходства ни в значении, ни в написании. Но в другом списке той же редакции (Ундольского), который по многим признакам восходит к более древнему списку, имеем «от лица худости моя», где в написании несомненная близость к «художеству». Можно вполне предположить, что непонятное писцу XVI в. книжное слово *художество* в значении 'поступки, действия' он заменил понятным ему *худостью*, менявшим смысл предложения, но не приведшим к бессмыслице и не искавшим общую идею памятника. Слово *худость* вполне могло быть в дальнейшем заменено более широко распространенным синонимом *скудости*. Обратный путь от *скудости* к *художеству* вряд ли возможен. Однако, даже признавая, что *худость* и *скудость* возникли в результате непонимания предыдущего текста, мы рассматриваем их как переосмысление.

Таким образом, отделяя переосмысления от порч, авторы учли не только степень осмысленности отдельной фразы, но и ее соотношение с более широким контекстом, с общей идейной направленностью памятника, связь с библейскими текстами, историческими фактами.

Степень тщательности семантической разработки слова зависела от его характера. Слова, сохранившие те же значения в современном русском языке, определяются кратко, лишь указанием на основные признаки обозначаемого словом понятия, однако с учетом, по возможности, признаков, существенных для контекста. Например, *соколя* определяется как 'хищная птица с острыми когтями' при контексте: «Исторгни мя от скудости моя, яко серну от тетета, аки утя, носимо в когтях у сокола».

Если древнерусское слово, в том числе диалектное, имеет в современном литературном языке синоним с тем же значением, в качестве определения приводится этот синоним. Так, слово *ланита* определяется как 'щека' а слово *короста* — как 'гроб'.

В некоторых случаях после определения значения указываются в круглых скобках дополнительные сведения, отмечающие особый характер употребления, ограниченность сочетаемости или другие данные, уточняющие смысловую характеристику слова или область его применения. Например: **ПОКИНУТИ**, *сов. Оставить, отпустить (о болезни)*. **ПАНЬ**, *м. Знатный человек (в Западной Руси, Польше)*.

Иногда определение значения слова подкрепляется ссылкой на какой-нибудь источник или другими комментариями. Все они приводятся в квадратных скобках после определения. Например: **СТАФИЛЬ**, *ж. Ягода винограда [греч. σταφύλη]*. **ЗАМЕШКАТИ**, *сл. Надолго остаться, засесть [ср. укр. мешкати 'жить, пребывать']*.

Какое-либо другое, заслуживающее внимания, по мнению автора, пояснение к слову, встречающееся в литературе, помещается в квадратных скобках после определения значения с сокращенным указанием на источник (см. Приложение № 2). Например, при слове **ВОЗВИТИЕ** указано — [ср. Во(и)звितिe Абр., с. 157].

Если значение слова не бесспорно, то после предполагаемого значения в круглых скобках ставится знак вопроса. Например: **КОЛБАСА**, *ж. Кишка, начиненная мясом (?)*. Когда же нет возможности даже предположительно определить значение, то этот знак ставится сразу после заголовочного слова. Например: **ФЕНАНДРУСЬ**. (?)

С большой осторожностью подходили авторы к определению слов, обозначающих такие явления, которые представлялись древ-

X
перусскому человеку иначе, чем нам. При их определении не следовало исходить из современных научных представлений и пользоваться современной научной терминологией, но вместе с тем надо было стремиться к тому, чтобы не искажалась реальная сущность явления. В таких случаях указываются только те наиболее общие и существенные признаки явления, которые были бесспорны и для древнерусского человека. Например, слово *звѣзда* определено как 'видимая ночью на небе светящаяся точка', а не как 'самосветящееся небесное тело, состоящее из раскаленных газов'.

X
При описании слова авторы исходили только из текста памятника. В нем могли быть отражены не все общеязыковые и для того времени значения слова, а лишь одно из них, причем часто не основное. Например, слово *пѣснь* в памятнике не имеет основного и для древнерусского языка значения 'небольшое словесно-музыкальное произведение', а имеет лишь одну из филиаций этого значения — 'мелодические звуки, издаваемые птицами' в цитате «да не възненавидим буду миру со мноюю бесѣдою, яко же птица, частяще пѣсни своя».

Помимо традиционного деления на значения, перечисляемые арабскими цифрами, и оттенки значений, выделяемые двумя вертикальными чертами, в работе использованы и некоторые другие указания при смысловой характеристике слов.

Так, если слово выступает в качестве разных частей речи, то каждая часть речи выделяется римской цифрой, после которой идут обозначения арабскими цифрами, для каждой части речи со своей нумерацией. Если предлог употребляется с существительными разных падежей, то его сочетание с разными падежами выделяется римскими цифрами, но нумерация значений арабскими цифрами сплошная.

Для выделения семантико-грамматических оттенков, связанных с переходом слова в другой грамматический разряд, применяется знак □ («шпала»). Например: **БЕЗУМЕНЬ**, мн а, о; **БЕЗУМНЫЙ**, а я, о е. *Глупый, неразумный. . .* □ *В знач. сущ.*

Некоторые особенности слова, не связанные непосредственно с его семантикой, но указывающие на своеобразие его контекстуального употребления, выделяются знаком горизонтальной линейки с соответствующим пояснением. Например, при словах *господь*, *князь* отмечается: — *В обращении*, при слове *всемилолюбивы*: — *Как эпитет при именовании князя.*

Синонимические слова, различающиеся только фонетическими или словообразовательными признаками, а также соотносительные слова с русской и старославянской огласовкой, рассматриваются самостоятельно, но определение и весь дополнительный материал помещаются только под тем словом, которое более распространено в памятнике. Остальные слова вместо определений имеют отсылку *То же, что. . .* Например: **ВРОДИТСЯ**, сов. *То же, что уродится*; **ЗАСТЪНЬ**, ж. и **ЗАСТЪНЬ**, м. *То же, что застыние*; **РАСТИ**, не-сов. *То же, что расти.*

Последовательность значений многозначного слова определяется либо от основного к производным, либо от более широкого к более узким, либо от более употребительного в памятнике к менее употребительному, так как на материале языка одного памятника невозможно проследить историю развития значений.

X
Фразеологически связанные значения слов или устойчивые сочетания без резкого изменения семантики слова помещаются под соответствующим значением за знаком «угла», но с определенным.

Например: **ДОБЫТИ**, *сов. Добиться, достичь чего-н. ...* > **До-быти** чести (чти). *Заслужить почет, уважение.* Однако, если связанность значения в фразеологическом сочетании присуща только одному из компонентов, а значение других свободное, то фразеологизм отмечается только при слове с несвободным значением. Например, знак «угла» стоит при глаголе *поймати* в сочетании *поймати жену*, но его нет при слове *жена* в том же сочетании.

Идиомы приводятся с абзаца после всех значений со знаком «треугольник» (см. глагол *восприяти*: Δ **Восприяти** ангельский образъ. *Постричься в монахи*).

Авторы исследования считали совершенно необходимым показать все замены анализируемого слова по всем спискам, для чего после иллюстративной цитаты в круглых скобках указывается за пометой *ср.* (сравни), какими словами (в тех формах, в которых они встречаются) и в каких списках оно заменено. Это дает возможность не только увидеть, какое слово и как переосмыслено, но также — какого рода замены внесены переписчиками. Так, после цитаты на слово *художество* указано: (*ср. ... худости и скудости ...*); после цитаты на слово *гробъ* — (*ср. в керсту, в коросту*); на слово *набити* — (*ср. наткано, натыкано, напхано*); на слово *птица* — (*ср. зогница*); на слово *дитя* — (*ср. на младенца, на младенецъ*) и др. Такие сопоставления дают материал по истории текста, показывают богатую синонимичку древнерусского языка, сложное соотношение в памятнике слов различных стилистических пластов, замены слов, обозначающих родовые понятия, словами, обозначающими видовые понятия.

В памятнике, который переписывался в течение нескольких столетий, написания многих слов имеют различные орфографические и графические варианты.

Все орфографические и графические варианты слов рассматриваются под той формой, которая является наиболее типичной для списков, но все варианты учитываются и указываются после семантической характеристики слова. Например, *держава, дръжава, дръжава, държава* объединены под формой *держава*; *възръти, възръти, възръти* — под формой *възръти*. Варианты, не следующие по алфавиту непосредственно за основной формой, указываются на своем алфавитном месте с соответствующей отсылкой.

Слова, различающиеся по фонетическим или морфологическим признакам, рассматриваются самостоятельно, но связываются отсылками. Так, например, в отдельных статьях разрабатываются более архаичная форма *боранъ* и более поздняя *баранъ*, слова со старославянской и восточнославянской огласовками, типа *работа* и *робота*, *градъ* и *городъ*, слова с разными суффиксами, типа *дождевныи* и *дождедевои*, и т. п.

В заголовочных словах восстанавливается этимологическое *ѣ*, а также *ѣ* и *ь* в конце слов, независимо от того, как эти слова написаны в текстах. Если прилагательные встречаются в тексте в краткой и полной формах, то в заголовок выносятся краткая форма, как более древняя, а за ней следует полная. Полная форма, отдаленная по алфавиту от краткой, помещается на своем алфавитном месте с соответствующей отсылкой. Например: **МУДРЫИ** см. **Мудръ**.

Когда исходная форма слова не является бесспорной из-за возможных ее вариантов, принятая авторами форма ставится в квадратные скобки. Например: [**СМОКЪ**], *жс.* (при наличии в тек-

стах только форм косвенных падежей *смокеви* и *смокви*) или [ВОВРЪЩИ], *сов.* (при формах *ввергоша, вверже, врѣже*).

Каждое значение или особое употребление слова иллюстрируется не более чем тремя цитатами, сопровождаемыми указанием на списки и параграфы (условные обозначения списков см. в Приложении № 1). Остальные словоупотребления отмечаются за знаком «плюс» (+) ссылками на списки и параграфы. Если слово встречается в памятнике более пятнадцати раз, списки не перечисляются, ставится помета [Passim] в конце словарной статьи.

Индексы списков после цитаты указываются в таком порядке: сначала все 10 списков I редакции, затем два списка «переделки» I редакции, далее оба списка II редакции, потом три списка I-й «переделки» II редакции и за ними два списка 2-й «переделки» II редакции (порядок списков по редакциям см. в Приложении № 1). Однако, если в первом по порядку следования списке текст несправный, цитируется текст по более исправному списку. Списки, имеющие в пределах одной редакции или «переделки» одинаковый параграф, объединяются под одним этим параграфом, например, АТКБПбМ₁₉.⁶

Если в разных списках одна и та же цитата имеет некоторые расхождения в грамматической форме анализируемого слова или изменения в словах ближайшего окружения, то после цитаты ставится знак точка с запятой и две точки (;..), а затем приводятся краткие сочетания с этими изменениями. Например, цитата на слово *сухъ* в значении 'черствый, не свежий' имеет такой вид: «Но егда веселишия многими брашны, а мене помяни, сух хлѣбъ ядуща; .. сух хлѣбъ ядущаго; .. сух калач ядаци».

При цитате на слово, имеющееся также в близком по смыслу тексте какого-нибудь древнерусского памятника или Библии, приводится указание на этот памятник сразу после цитаты в квадратных скобках за пометой *ср.* (сравни), но только при основных опорных словах цитаты. Например: **ВЫЯ**, *ж. Шея*. И бысть выя твоя в бусте, аки фарсис в монисте [*ср.* Песнь Песн. I, 9] ЧУ₁₅ (список сокращенных обозначений памятников см. в Приложении № 2).

При цитировании титла раскрываются, выносные буквы пишутся в строку. Графика упрощена: Ж, ђ, ОУ заменяются буквой *y*; ѿ — *o*; Ѧ — *я*; ѿ — *кс*; Ѱ — *пс*; З, ѿ — *з*; і, ї — *и*; ѳ — *ф*; ѳ и ѳ сохраняются, но в алфавите ѳ приравнено к *e*, а ѳ в конце слова не учитывается.

Таким образом, анализ слова исчерпывающе показывает все значения, оттенки значений, особенности его употребления, отмечает также, в каких списках данное слово встречается, какими словами оно заменено в других списках, с какими книжными источниками соотносится, какие грамматические или орфографические варианты имеет, в каких списках и как искажено или испорчено, в каких списках отсутствует.

⁶ Список Тихомирова при издании не разбит на параграфы, поэтому вместо них указываются страницы. Цитаты на слова из вставной притчи об Иосифе Прекрасном, помещенной только в списке Никольского, имеют перед указанием на список помету (И. Пр.). Таким же образом цитаты из § 75 II редакции, явно позднего и инородного происхождения, имеют помету (вст.) — вставка.

При расположении материала авторы исследования отказались от традиционного деления на смысловые группы, так как эти группы очень условны и никогда полностью не охватывают материал, и посчитали более целесообразным разместить его в алфавитном порядке.

Авторы надеются, что проделанная ими работа сможет дать исследователям (языковедам, литературоведам, историкам) надежный материал для решения многих еще спорных вопросов, относящихся к этому памятнику, и тем самым содействовать его дальнейшему изучению. Монография может служить пособием для различного рода семинарских и практических занятий со студентами филологических факультетов высших учебных заведений.

Авторский коллектив:

Доктора филологических наук: Б. Л. Богородский (рецензирование и участие в обсуждении всего текста), А. С. Герд (*Е, Ж, Ш, Ц, Ю, Я*), Е. М. Иссерлин (*речении — ряса, тѣло — токмо, у — дѣсти, предлоги въ, на*), Л. С. Ковтун (*колыбати — левѣ*), Г. А. Лелич (*врагѣ — вялица, съ — синица*).

Кандидаты филологических наук: Н. Г. Арзуманова (*раба — разжение, предлог къ*), С. С. Волков (*набити — новыи, побѣда — любѣжати, погнати — поразити*), И. С. Воронѣва (*павинѣ — плакати*), Л. А. Ивашко (*баба — бо, повозѣ — погинути*), Л. В. Капорудина (*А, лежати — люте, магистрѣ — мокрыи, повѣдати — по — вѣсть, союз и*), Г. А. Качевская (*Д, молвити — мятежь, платно — плече, Ф, Х, Ц*), А. И. Корнев (*богѣ — быти, таина — творити*), А. И. Лебедева (*валятися — вовреци*), А. И. Литвиненко (*вода — стаяти, слобода — сушити*), М. А. Момина (*Г, ибо — ити* в первоначальном варианте), М. П. Рускова (*только — тягати, умолкнути — учитися* в первоначальном варианте), Е. Е. Талицкая (*нога — нѣги, сиче — сланѣ*), В. П. Фелицына (*около — офорозе, разливати — рѣка*), О. И. Фоякова (*З*), И. Н. Шмелева (*о — око, плѣнати — плодовиць, пришти — пѣанѣ*).

Научные сотрудники: И. Л. Городецкая (*пороти — приимати, Ч*), Ю. Ф. Денисенко (*кабы — колоти*).

Ответственная за подготовку текста к изданию Н. Г. Арзуманова.

Техническая подготовка текста выполнена В. Д. Бояркиной, Е. В. Красненковой, И. В. Яновой, И. В. Семеновой.